

АЖАМБУЛ

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

С(К23)

8, 40

ДЖАМБУЛ

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

СТИХИ И ПЕСНИ

ИЗДАНО 1973 ГОД

ПЕРЕВОД С КАЗАХСКОГО
КОНСТАНТИНА АЛТАЙСКОГО

Вост.-Кав. региональная
детская библиотека
им. А. С. Пушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1966

985

С (Казах) 2
Д 40

Комментарии *К. Алтайского*

Оформление художника

В. Большакова

Джамбул

ЖИЗНЬ АКЫНА

Вы спрашиваете — откуда я родом?

У реки Чу, если идти в сторону степи, стоят две горы — Хан и Джамбул. Мой отец Джабай кочевал у этих гор.

Близ горы Джамбул во время снежного свирепого бурана родился я, и меня назвали древним именем горы Джамбул.

Это случилось в феврале 1846 года.

Отец мой Джабай был бедным кочевником-казахом, носившим дырявый чапан.

Вокруг, куда ни достигал глаз, были голые степи. В детстве я ни разу не видел ни полей, ни садов, ни арыков. Степь была моей родиной. Все, кто меня окружал, кочевали и кормились от скота.

Наши степи граничили с киргизскими. Казахи и киргизы в ту пору враждовали. Передают, что отец Джабай в походах был в числе самых отважных джигитов.

Вырос я в юрте. Как и всех казахских ребят, меня вместе с люлькой перевозили с кочевья на кочевье. В детские годы я был строптивым сорванцом. Не хотел слушаться ни стариков, ни отца. Меня посылали пасти ягнят — я не шел. Меня просили набрать дров — я отказывался. Меня считали шалуном, баловником.

Дядя моей матери был известным домбристом. Я любил его слушать. Двенадцати лет научился у него играть на домбре¹. Когда инструмент попал мне в руки, я забыл о шалостях. Мне казалось, что звенит не домбра, а мое молодое сердце.

Я не хотел быть чабаном. Мне хотелось быть домбристом и певцом. Природа дала мне сильный, большой голос. Когда я громко пел в степи, мне чудилось, что вся она заполнена моим голосом.

Четырнадцати лет я твердо решил порвать с отцом и жить самостоятельно.

Во время уразы² (магометанского поста) я пошел по юртам и стал петь «жарá-пазán» (обрядовую песню). Она начиналась так:

Я стою и пою
У распахнутых настежь дверей.
Пусть родится у вас
Двое сильных больших сыновей.
Каждый сын пусть растет,
Как в степи средь овечьих отар
Вырастает порой
Круторогий красавец кашкар³.

Пение мое понравилось. Мне стали давать пищу и подарки. Это меня радовало.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, я приехал в аул, где жил знаменитый акын³ Сююмбáй. Подойдя с домброй к его юрте, я начал петь «жара-пазан». Сююмбай прослушал мое пение со вниманием, позвал меня к себе в юрту и спросил:

— Откуда ты? Из какого рода и племени?

Отвечаю ему почтительно:

— Я из рода Байвшé, племени Садыбéк, семейства Джабая.

¹ Д о м б р á — двухструнный музыкальный инструмент, род балалайки.

² К а ш к á р — баран.

³ А к ы н — певец-импровизатор, поэт.

Сююмбай сказал:

— У тебя есть способности быть акыном. Ты обладаешь хорошим голосом. Слова, которые ты поешь, выбраны очень удачно.

В юрте Сююмбая я по просьбе старого акына с волнением спел много песен. Одну из песен я сочинил там же, в юрте.

Я пел о своей молодости и неопытности, выражал свое восхищение песнями Сююмбая, сравнивал его песни с зарей и яркой звездой, украшающей небосвод, и, назвав себя его младшим братом, просил помощи и поддержки.

Сююмбай пообещал мне помочь и любить меня.

Это был самый счастливый час в моей жизни. Целую ночь Сююмбай рассказывал мне о трудном мастерстве акына. Так я стал учеником Сююмбая, которому было в то время пятьдесят лет.

Случалось, что Сююмбай, выезжая в аулы, брал меня с собой. Я жадно учился.

С тех пор до последних дней, выступая с песней, я всегда вспоминаю имя своего учителя с чувством благодарности. С Сююмбаем мы жили очень дружно. Я пел сложенные им песни.

Только шестнадцати лет я решил выступить самостоятельно.

Первой песней, сложенной и исполненной мною, была песня на одной из свадеб. Я пропел о красоте невесты, сравнив щеки ее с цветами, а косы с ночью. Песня понравилась, и меня похвалили.

Начав петь самостоятельно, я все же в состязаниях с большими акынами не участвовал. Решил состязаться только с молодыми, малоизвестными акынами.

В казахских степях было принято: поражение на состязании акынов — смерть для акына. Было много случаев, когда акын, потерпев поражение, совершенно переставал петь.

Я бродил по кочевьям, расположенным по берегам Чу. Пел народные былины, сказания, поэмы — произведения других акынов и свои собственные песни.

Веками было заведено, что акын-импровизатор должен был знать обо всем: все роды и племена, всех родоначальников и знатных людей, все места и события. Он должен был откликаться на все новости и уметь учитывать обстановку. Остроумие и находчивость, умение давать быстрые ответы — вот что ценится в акынах. Кроме того, он должен быть хладнокровным. Осыпаемый злейшими насмешками, акын должен оставаться спокойным.

Я учился всему этому. Встречался со старыми и прославленными акынами казахских и киргизских степей — Кочракпаем, Шоонды, Арстанбеком, Шантаем, Кажамберды, Сатпаем, Азетом, Балуач-Шолаком. Внимательно слушал их, учился, накапливая силы, готовился стать таким же, как они, большим акыном. Но в состязание с ними не вступал, чувствуя себя все еще неподготовленным.

Однажды я встретился со старым своим учителем Сююмбаем. Он выслушал мои импровизации и сказал:

— Ты увлекаешься чужими мелодиями. Это плохо. Большой акын должен иметь свой голос. Измеряй землю своим аршином. Каждое твое слово должно разить, как кинжал. Никогда не лицемерь. Черпай слова из своего сердца, как воду из колодца.

Глубоко задумавшись над словами своего учителя, признав их правоту, я стал следовать этим мудрым указаниям. У меня появилась своя мелодия, я нашел свои слова, мое песенное мастерство окрепло.

Будучи бедняком, я хорошо понимал бедный народ. Правдиво я мог петь только о себе и о народе. Когда я пел о народе, я пел и о себе. Когда же я пел о себе, я одновременно пел о народе. Поняв всем сердцем, что акыну нельзя фальшивить и лицемерить, стал петь только правду.

И песни мои полетели по всему Джетысу, как вольные

птицы. Верхом на плохой лошади я ездил из аула в аул. Пел песни грусти и печали, и за это меня кормили.

Я объехал Джетысу, бывал в Киргизстане, ездил в Караганду, бродил по Восточному Казахстану.

О чем я пел? Я пел о моем бедном, измученном народе, о поруганной родине, о славных батырах казахских племен. Случалось, я пел целыми ночами и получал за это гроши.

Часто мне приходилось участвовать в состязаниях акынов — представителей двух родов. Я всегда выходил победителем, и родоначальник того рода, от которого я выступал, дарил мне халат, барана или жеребенка.

Многие родоначальники упрашивали меня остаться у них, обещали хорошо кормить, уважать и давать богатые подарки, чтобы я прославлял их и участвовал в состязаниях с акынами других родов. Но я не хотел лицемерить и отрываться от народа, не хотел идти к баям.

Решительно отказывался и уезжал дальше.

Во время скитаний я везде и всюду слышал знаменитое имя акына Кулмагамбета. Он был первым акыном Джетысу, потому что победил всех акынов. Слава его гремела по всем казахским и киргизским степям. Однажды я поехал в кочевья рода Албана, где жила женщина Шарипа, прекрасная, как Байн-Слу. В это время происходил той¹ двух родов — Албана и Уйсина, на котором выступал знаменитый Кулмагамбет. За мной послали двух лошадей, и я приехал на той.

Кулмагамбет сидел в белой богатой юрте, на ковре, в окружении самых знатных людей. Они пили кумыс и были веселы. Вид у Кулмагамбета был гордый и самодовольный, потому что он победил в состязаниях многих выступавших там акынов. Увидев меня, он начал посмеиваться надо мной:

— Смотрите на Джамбула — какой он черный, курносый и как он бедно одет. Разве он не позорит свое имя Джамбул, известное всему народу?

¹ Той — пир.

Началось состязание. Кулмагамбет начал в песне похваляться дружбой и уважением к нему знатных людей. Он перечислял многих родоначальников, баев и волостных управителей. Он превозносил их выше небес.

Потом запел я. Я вспомнил совет Сююмба и не стал фальшивить и лицемерить. Я повторял знатные имена, только что произнесенные Кулмагамбетом, и давал им оценку, какую заслужили они у народа. В моей песне все эти гордые и чванные люди были названы конокрадами, убийцами, ворами, лжецами, несправедливыми людьми. Мои слова были язвительны и насмешливы. Они вызвали среди окружающих веселый смех. Я пел, не уставая, и слушатели все больше и больше выражали свое одобрение. Так я победил дотоле непобедимого Кулмагамбета и стал первым акыном в Джетысу.

Я продолжал ездить по степям и питался тем, что давали мне мои песни. Весть о том, что я победил Кулмагамбета, разнеслась по всем степям и перешла даже границы Джетысу.

После этого я участвовал во многих больших состязаниях акынов и не знал поражений. Я победил знаменитого акына Шашубая, первого акына Киргизстана Балгу, даровитого и неукротимого Сар-Ырыс, непобедимого Са-Баца и многих других.

Я знал только одно поражение, но это было состязание не в песнях, а в кюях (инструментальных музыкальных пьесах). Меня победил киргизский домбрист Оразалы, не умеющий слагать песни, но прекрасно играющий на домбре. В песнях мне его победить не стоило никакого труда.

Мои песни неслись по всем степям.

Я никогда не порывал близкой связи с народом. Баи и манапы меня не любили, но боялись. Песня в степи — огромная сила. Ее ничем не остановишь, как не остановишь бурю. Баи и манапы боялись, что в своих песнях я пушу про них худую славу и вся степь запоет вместе со мной.

В Ер-Назаре, близ Кастека, я приехал однажды к баю Нуртаю Сеитову. В это время пришел байский табунщик Майлебай. Бай спросил:

— Все благополучно?

Табунщик ответил:

— Волки задрали одного жеребенка.

Побагровев от гнева, бай стал злобно бранить табунщика. Ругал он его около часа. Я взял домбру и запел. Песня была гневной. Я спрашивал в песне бая Нуртая: «Неужели у тебя, Нуртай, не хватает лошадей? Зачем ты издеваешься, как зверь, над бедным человеком из-за одного тощего жеребенка? Дед твой умер и оставил стада твоему отцу. Отец твой умер, и стада перешли к тебе. Ты скоро умрешь, Нуртай, и при всей своей жадности не возьмешь с собой в могилу тысячеголового стада».

Нуртай испугался обличительной песни и сказал:

— Я ошибся, Джамбул. Твои слова заострены против меня, как стрелы. Я забыл о горе, причиненном мне табунщиком. Будем мирно беседовать.

Но я, повернувшись к баю спиной, ушел, не сказав ему ни слова.

Так я жил до пятидесяти пяти лет, странствуя по степи и распевая песни. В пятьдесят пять лет мне стало худо. От старости и тяжелых условий я стал сутул, как старый беркут, глаза померкли, а голос ослаб. Вместо домбры у меня в руках появилась палка. Вместо широкой степи — узкая постель. Я угасал, бессильный петь хорошие песни. И лишь тогда, когда казахи восстали против белого царя, я пропел несколько песен, и их подхватила степь.

Когда мне исполнилось семьдесят лет, я увидел светлую зарю новой жизни. На землю пришла правда для всех живых существ. Я услышал имя батыра Ленина и был свидетелем победного шествия Красной Армии. Вокруг меня закипела жизнь, о которой я пел в лучших своих песнях, как о золотом сне.

Почувствовав прилив свежих сил, взял я в руки домбру. Вернулась моя молодость, и я запел.

Оглядываясь вокруг, я не узнавал знакомых степей. Поехал по аулам и стал воспевать новую жизнь.

Как всегда, я был заодно с моим народом и был понятен народу. Я был свидетелем рождения новой страны — Казахстана, о чем мечтали целые поколения и о чем пели лучшие акыны.

Только в восемьдесят лет жизнь мне открыла глаза на многое, чего я не понимал. Жизнь началась для меня снова. Я переродился и стал петь, как двадцатипятилетний юноша, — сильно, с подъемом, с большим жаром и охотой.

Я стал пламенным агитатором за колхозы.

О колхозах я пропел сотни песен, и они полетели по степям, потому что шли они от самого сердца.

Я первым вступил в члены колхоза.

Только при Советской власти в цветущем Казахстане Джамбул нашел себе настоящую цену. Старость моя озарена счастьем. Мне более девяноста лет, но я не хочу умирать, мне хочется жить больше и больше. Народ меня уважает. Сбылись мои золотые сны. Я одет в шелковый халат. Живу в белой юрте. У меня темно-рыжий красивый иноходец и богатое седло.

Я был в Москве, которая чудесней сказочного Гюлистана...

Советская власть дала мне за мои песни орден Красного Знамени. Я сказал тогда и повторяю сейчас:

— Награжден не я, награждена народная поэзия Казахстана.

Я пою песни и буду петь их, пока бьется сердце...

1937 год.

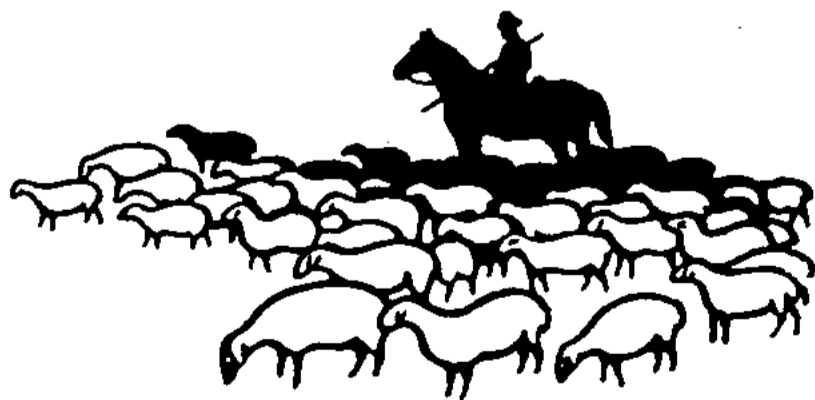

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

Ты взгляни-ка на степи мои —
Запоют в душе соловьи.
Ведь в степях, ты возьми-ка в толк,
Не ковыль, не полынь, а шелк!
На озера, на реки взгляни —
Хрусталем сверкают они.
Удивишься, конечно, ты,
Что пылают кострами цветы.
Далеко мне с кургана видать,
Но глазами всю ширь не обнять.
Словно утренний тонкий пар,
Белизна овечьих отар,
А над овцами реет орел.
Вон верблюды идут в Каракол,
Караваны пошли в Чимкент,
В Кзыл-Орду идут и Джаркент.
Шерсть верблюжья гладка. Такой
Я не гладил еще рукой.
Возле озера, у камышей,
Нежно кличет телят-малышей
Стадо пестрых рогатых коров,
Отзывается в сердце их рев.
Ну, а кони... Да будь я юн,

Сторожил бы такой табун.
Жаль, на старости не могу.
Как легки они на бегу!
Как горда их степная стать,
Это может наездник понять!
Неогляден степной простор.
В белых шапках вершины гор.
И к востоку земля лежит,
И на запад она бежит,
И на юг, и на север поля —
Моего колхоза земля.
Как же нищий аул, где я рос,
Превратился в богатый колхоз?
И кому — задам я вопрос —
Мы обязаны счастьем своим?
Это Ленин нам счастье принес
Вместе с Партией, созданной им.
Говорит мне аул Ер-Назар:
«Есть, жирши¹, в твоём сердце жар?
Пусть звенит струна-тетива,
Доставай из души слова».
Я, столетний жирши, беру
В загорелые руки домбру
И пою с холма своего.
Эта песня от сердца всего!

¹ Ж и р ш и́ — певец.

КАЗАХСТАН

Посмотри —
Озарен, осяян,
Встал одетый в лучи Казахстан.
От Тянь-Шаня его простор
До Уральских яшмовых гор.
У казахов своя страна,
Свои земли на все времена.
У казахов цветет свой флаг,
Как горячий, пурпурный мак.
У казахов сияет свой герб —
В солнце слитые молот и серп.
У казахов, как сбывшийся сон,
Свой счастливый и мудрый закон.
У казахов журчит, как арык¹,
Свой живой и свободный язык.
Урожай у казахов богат,
Молодые заводы дымят.
Посмотри, мой джолдас², посмотри —

¹ Арык — канал, по которому идет вода.

² Джолдас — товарищ.

В чистом пламени ясной зари
Пред хозяевами сполна
Все богатства раскрыла страна.
Каратау дает свинец,
Кокчетау гонит овец.
Тянет с золотом руки Алтай,
Медь обильно дает Карсакпай.
Белый хлопок дает Чимкент,
Шерсть овечью дарит Джаркент.
Золотые, как в сказке, хлеба
Для народа растит Актюба.
Меж озер и меж каменных глыб —
Вороной, с дымной гривой Турксиб.
Дни и ночи грузит поезда
Черным золотом Караганда.
В Эмбе гордые вышки стоят
И кипит нефтяной водопад.
В Кармакчинской степи зреет рис,
К Алатау сады поднялись.
А в садах, слаще сна и мечты,
Зреют яблоки Алма-Аты.
А в степях, где душисты цветы,
Вольно бродят овечьи гурты
С белой шерстью, нежней облаков.
Табуны вороных скакунов,
Табуны золотых скакунов,
Чалых, сивых, гнедых скакунов
Под железное пенье подков
Скачут степью быстрее ветров.
На закате, что сиз и багров,
Над стадами молочных коров
Пыль клубится и пахнет кругом
Теплым, сладким парным молоком.
А когда отпылает закат
И начнется во тьме звездопад, —

Чабаны, как детишек, хранят
Теплых, мягких безрогих телят,
Тонкорунных кудрявых ягнят,
Тонконогих степных жеребят,
Неуклюжих, смешных верблюжат,
Черноглазых мохнатых козлят.
И они от росы не дрожат,
Потому что теплыню богат
Край народной заветной мечты,
Край обилия и красоты.
Ты глаза хорошенько протри,
Посмотри, мой джолдас, посмотри
На фазанов, на дроф, на гусей,
На трубящих весной лебедей.
На Алтае плодится марал,
Рыбой плещется синий Арал.
По степям, где трава и вода,
Вольно бродят джейраньи стада.
Все, что щедро цветет и поет,
Это наше — твое и мое!
Вся страна, что мужала в боях,
Она наша — твоя и моя!

СТОИТ МАВЗОЛЕЙ В САМОМ ЦЕНТРЕ ЗЕМЛИ

До смерти Джамбул не забудет тех дней,
Когда он на поезде мчал по стране.

И мимо куда-то летела земля,
Мелькали сады, проплывали поля.

Шумела травой батырская ширь,
Неслись облака на Алтай, на Сибирь.

Пугливые чибисы с криком вились
Над желтой и быстрой рекою Арысь.

Катил на пески свой разгневанный вал
Вскипающий пеной, зеленый Арал.

Пасла табуны и растила хлеба
Красавица наших степей Актюба.

Потом засверкал восхищенный мой взор:
Впервые увидел я волжский простор.

Катила могучие воды река,
И чайка кружилась бела и легка.

Какая страна! Сколько светлых чудес
Под синею юртой¹ советских небес!

Я ехал, волнуясь. Я знал, что близка
Мечта моей жизни — столица Москва.

И вот она встала, мечты золотей,
Во всей лучезарной своей красоте!

Услышал я шум изумрудных садов,
Увидел я блеск бирюзовых прудов,

Дворцы и палаты, метро под землей,
Большие фонтаны воды голубой...

Я думал: здесь Ленин когда-то ходил
В расцвете своих титанических сил.

Посланец далеких казахских степей,
Пошел я туда, где стоит Мавзолей,

Где светят, восторгом сердца окрыля,
Горящие золотом звезды Кремля.

¹ Ю р т а — кошмовая кочевая кибитка.

Стоит Мавзолей в самом центре земли,
Народы, как реки, к нему потекли.

Идут и туркмен, и таджик, и казах
С любовью в сердцах и с любовью в глазах.

Идут и афганец, и негр, и араб,
Как дети к отцу и как воины в штаб.

И я вместе с ними, волнуясь, вхожу,
Глаза поднимаю и жадно гляжу.

И вижу — в гробу он лежит, как живой,
Спокойный и мудрый, простой и родной.

Багровое знамя склонилось над ним,
Проходят народы, а он недвижим.

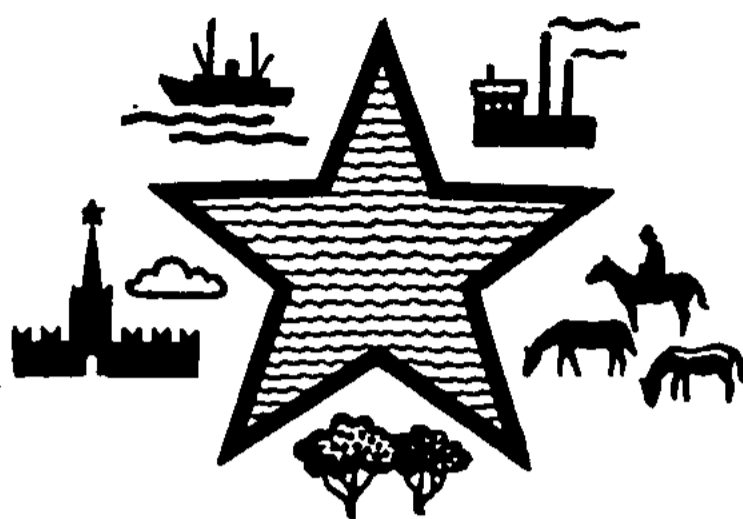
Не слышит, как я ему, скорбен и сед,
Шепчу по-казахски сыновний привет,

И клятву шепчу ему — ленинцем быть,
По-ленински думать, бороться и жить.

И детям, и внукам, и правнукам — всем
Поведаю в песнях и в строфах поэм,

Что Ленин, как солнце, планету живит.
В делах наших ленинский гений горит!

ПЕСНЯ О БРАТСТВЕ НАРОДОВ

Пришли ко мне люди на ясной заре:
«Сыграй нам о прошлом, отец, на домбре».

Я тронул струну, но не в духе домбра,
В глухом ее голосе нет серебра.

Похож ее тихий обиженный звон
На жалобу ветра, на сдавленный стон.

Не хочет домбра расшевеливать ран,
Не хочет звенеть про кандалный заман¹.

Но старые раны, как угли, горят,
И песня взлетает, как стая орлят.

Россия была для народов тюрьмой,
Дышали народы отравленной тьмой.

Не видели люди из душных темниц
Ни солнца, ни зорь, ни весенних зарниц.

Палач-император народы губил,
Как диких зверей, друг на друга травил.

¹ З а м а н — время, эпоха.

И в ярости темной за сабли брались
Забитый казах и бездольный киргиз;

Вдыхая отравленный злобой туман,
Шел тюрок с кинжалом на землю армян;

Рыданий, проклятий и стонов полна,
Катилась еврейских погромов волна.

Спадала волна, поднималась, и вновь
Дымилась горячая братская кровь.

Восстали миллионы забитых рабов,
Штыки повернув на заклятых врагов.

И рухнули своды позора и тьмы
Российской империи, душной тюрьмы.

Горит в самоцветах Советский Союз,
Свободны казах, армянин, белорус,

Таджик и татарин, туркмен и якут,
Дружа, не враждуя, как братья живут.

Смотрю я на север — светлее слюды
В полярном сиянии плавают льды.

Смотрю я на юг — изумрудны сады.
Качаются пальмы, стройны и горды.

Смотрю я на запад — там, сердцу близка,
Рубинами в небе пылает Москва.

По всем необъятным просторам, везде
Я вижу веселую дружбу людей.

Где гневно свистели камча¹ и картечь,
Я слышу спокойную братскую речь.

¹ Камча́ — плеть.

А где же вражда ослепленных племен?
А где же неписанный волчий закон?

Где сабельный звон, колыхание пик
И кровь, что потоком стекала в арык?

Исчезла племен и народов вражда
Под солнцем Советов навек, навсегда!

На черную зависть и злобу врага —
Священная дружба народов крепка,

Как клятва над ленинским гробом, крепка,
Как в Арктике льды и сугробы, крепка,

Как наши кремлевские стены, крепка,
Как новая сталь из мартена, крепка,

Как сила прибоя Арала, крепка,
Как сплав тугоплавких металлов, крепка.

Ликуйте, народы! Цветите и пойте!
Дворцы из гранита и мрамора стройте!

Растите хлеба! Разводите сады!
В пустыни вторгайтесь разливом воды!

И помните ленинские тома —
Там мудрость сама и правда сама!

ПЕСНЯ О МОСКВЕ

Здравствуй, именитая! Сердцу ты близка,
Золотом прошитая, Красная Москва!
Поднялась ты светлая, мрак пробив крылом, —
Мрамором и деревом, сталью и стеклом.
Отгремев походами, мир и труд любя,
Фабрики с заводами встали вокруг тебя.
Не палаты царские, не дома-слепцы —
Встали пролетарские гордые дворцы.
Бьют фонтаны чудные голубой воды,
Манят изумрудные парки и сады.
Вести в мире слышатся — ты чудес полна:
У Кремля колышется волжская волна,
Как восток пылающий, излучает свет
Штаб Москвы — сверкающий мудрый Моссовет.
Небеса штурмующий, встал дворцов светлей
Ленинский волнующий сердце Мавзолей.
А над ним, былинами думы окрыля,
Зацвели рубинами пять огней Кремля.
Все народы тянутся мыслями к тебе,
Город светлой гордости, выросший в борьбе!
Запылав зарницами под крылом Кремля,
Светлыми столицами зацвела земля.
Гул столиц сливается — на тебе их взгляд.
По тебе равняются Фрунзе, Ашхабад,
Минск, огнем сияющий, Ереван в цветах,
Киев расцветающий и Алма-Ата,
И Ташкент с чудесными шумами аллей,
И Тбилиси с песнями и ковром полей,
И Баку плечистое — славный нефтеград,
Где огни лучистые на море горят.
Выше всех оценена, всем сердцам близка,
Светлый город Ленина — Красная Москва!

СОЮЗНАЯ РЕСПУБЛИКА

Исполнилось немало лет,
Как на плечо мое в рассвет
Спокойно птица счастья села.
С тех пор моя страна, джигит,
Все крепнет, зреет, вдаль глядит
Спокойно, по-батырски смело.

С лицом, похожим на луну,
Старик Джамбул рванул струну
В порыве жарком и высоком.
Дождь песен брызнул, зашумел,
Нет! — ливень песен зазвенел,
Нет! — песни понеслись потоком.

Республикой союзной став,
Весною на ковре из трав
Поставил Казахстан отау¹,
Всю в золоте и серебре,
В шелках, цветущих в тон заре,
В тюльпанах, в мальвах, в маках алых.
(Откроюсь я в простых словах,
Когда пою я о цветах —
Держу я думу о металлах!)

Наш путь теперь широк и прям,
На смену кочевым коням
Степь распахнула ширь машинам!
Народ мой полюбил металл,
За перевалом перевал
Он будет брать, идя к вершинам.

¹ О т а у — юрта молодоженов.